

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВСЕ ВОСТОРГИ МИРА:
ЭКСТАЗ
В ЛИТЕРАТУРЕ
И ИСКУССТВЕ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Санкт-Петербург — Тверь
2015

И. Ф. Гнюсова
(Томск)

**«ДУША ТРЕПЕЩЕТ И ГОРИТ,
И СЛОВО ПАДАЕТ ИЗ УСТ,
КАК УГЛЬ ГОРЯЩИЙ»:**

**экстаз истинного священнослужения
в творчестве Н. С. Лескова
и Джордж Элиот**

Экстаз, испытываемый верующим во время молитвы или богослужебных обрядов, не раз становился предметом изображения в литературе. Во второй половине XIX в. это чувство становится одним из способов психологической характеристики героя-священнослужителя. Наиболее очевидно это в творчестве английской писательницы Джордж Элиот и Н. С. Лескова.

Н. С. Лесков — первый и едва ли не единственный русский классик, в творчестве которого изображение жизни и духовного облика православного священника занимает значительное место. Образы церковнослужителей появляются в большинстве его произведений, а в «романической хронике» «Соборяне» (1872) и цикле очерков «Мелочи архиерейской жизни» (1878) фигура «русского попа» оказывается в центре писательского внимания. При этом Лесков ориентировался на народную традицию почитания святых, которая проявляется в его произведениях многочисленными образами «праведников». Идеал «праведничества» писатель ищет и в клерикальной среде. По мнению А. А. Новиковой, «Лескову желалось, чтобы обновление в духе Христовой истины пришло через „попов великих“ — идеальных служителей Церкви, подобных отцу Савелию Туберозову в хронике „Соборяне“»¹.

---

¹ Новикова А. А. Религиозно-нравственные искания в творчестве Н. С. Лескова 1880-х — 1890-х гг.: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. С. 409.

В поисках способов художественного воплощения своей концепции Лесков мог найти единомышленников в английской литературе, где в конце 1850-х гг. появляется целый ряд произведений Джордж Элиот, посвященных жизни священнослужителей. Наличие идейно-эстетических переключек и сам интерес Лескова к изображению жизни духовенства позволяет предполагать, что писатель мог быть знаком с циклом повестей Элиот «Сцены из клерикальной жизни» и ее романом «Адам Бид», которые в 1859—1860 гг. были опубликованы сразу в нескольких ведущих российских журналах¹.

Прямых указаний на факт их чтения в статьях и письмах Лескова не обнаруживается, хотя неоднократное упоминание имени Джордж Элиот свидетельствует о знакомстве писателя с ее творчеством. Так, в статье «Русские общественные заметки» 1869 г. Лесков доказывает мысль о том, что «наша литература не беднее, а, может быть, богаче некоторых других литератур», замечая: «Все эти Кавана, Коллинз и Элиот и другие, по справедливости говоря, не внушают нам никакой зависти» (8, 222)². Тем не менее в 1893 г. в письме к М. О. Меньшикову Лесков рекомендует публицисту поработать над одним из его образов, обратившись к творчеству английской писательницы: «„Девственные“ натуры тоже не таковы. Надо бы брать св. Цецилию или Дж. Элиот...»³.

Кроме того, активно занимаясь публицистикой, Лесков был знаком с содержанием всех ведущих общественно-политических журналов и вряд ли мог пройти мимо публикаций произведений Джордж Элиот. Знакомство с циклом повестей «Сцены из клерикальной жизни» может быть косвенно подтверждено, например, тем, что в своей статье «Русские женщины и эмансипация» Лесков ссылается на работу Джона Стюарта Милля

---

¹ Роман «Адам Бид» в 1859 г. был опубликован сразу в трех журналах: «Отечественные записки», «Русский вестник» и «Библиотека для чтения». Повести Дж. Элиот, входящие в цикл «Сцены из клерикальной жизни», были по отдельности напечатаны в 1860 г. в журналах «Современник» и «Русский вестник».

² Здесь и далее ссылки на изд.: Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1996—2012 — даются в тексте статьи указанием тома и страницы в круглых скобках.

³ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 556.

«Об эмансипации женщин» (1, 332), опубликованную в «Современнике» в 1860 г. Приложением к выпускам этого года как раз печаталась повесть «Исповедь Джэнет» из цикла Элиот.

Доказательством активного использования Лесковым английского литературного контекста при изображении жизни духовенства может также служить и его особое отношение к Англии и английской культуре. Явное «англофильство» писателя выразилось, по мнению И. Н. Минеевой, в создании в его творчестве «положительного образа Англии и англичан через освоение английской богословской, исторической, философской, художественной литературы»¹, занимавшей исключительное место и в личной библиотеке Лескова. Писатель, по утверждению исследовательницы, особо ценил в трудах англичан «близкую ему широту и непрямолнейность взгляда на мир», обнаруживая в них «созвучные ему размышления об аксиологических, антропологических, онтологических проблемах»².

В последние годы в лесковедении обозначился интерес к выявлению английских традиций в творчестве писателя. Об этом свидетельствуют исследование М. А. Першиной о проблеме интертекстуальных связей произведений Лескова с сочинениями английских писателей, в частности Шекспира и Диккенса³, диссертация И. В. Овчинниковой о стернианских «отражениях» в романе-хронике «Соборяне»⁴, статья В. А. Бячковой с типологическим сравнением «Соборян» и романа Э. Троллопа «Барчестерские башни»⁵, уже упомянутая работа И. Н. Минеевой

---

¹ Минеева И. Н. Эффект левизны, или отношения Н. С. Лескова с Англией // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Сер.: Обществ. и гуманитар. науки. Петрозаводск, 2014. № 7 (144). С. 74.

² Там же.

³ Першина М. А. Англоязычная литература как текст-прецедент в произведениях Н. С. Лескова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2013. 24 с.

⁴ Овчинникова И. В. Стернианские «отражения» и их функция в романе-хронике Н. С. Лескова «Соборяне»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 19 с.

⁵ Бячкова В. А. Образ священнослужителей в романах «Барчестерского цикла» Э. Троллопа и «Соборянах» Н. С. Лескова // Филология и культура. 2013. № 3 (32). С. 80—84.

об «англофильстве» Лескова и др. Однако проблема «Лесков и Джордж Элиот» до сих пор не становилась предметом внимания в литературоведении.

На наш взгляд, в произведениях Элиот Лесков не мог не обратить внимания на вопрос, глубоко волновавший его самого: оба писателя делают акцент на проблеме истинного священнослужения. В романе-хронике «Соборяне» протопоп Туберозов искренне верит в свое посредничество между Богом и людьми и жаждет живым словом доносить высшую истину до сердца каждого человека. Получив выговор от церковных чиновников за импровизированную проповедь, герой возмущенно записывает в дневнике:

«Прости, Вседержитель, мою гордыню, но я не могу с холодностью бесстрашной совершать дело проповеди. Я ощущаю порой нечто на меня сходящее, когда любимый дар мой ищет действия; мною тогда овладевает некое, позволю себе сказать, священное беспокойство; душа трепещет и горит, и слово падает из уст, как уголь горящий» (11, 40).

Проповедь, о которой идет речь, была подготовлена наблюдением героя за его соседом, стариком Пизонским, который с молитвой засеивает свой огород. Финал обращения Пизонского к Богу вызывает умиление и радость в душе Туберозова: «„Аллилуйя, Боже мой!“ — запел и я себе от восторга и умиленно заплакал. В этих целебных слезах я облегчил мои досаждения и понял, сколь глупа была скорбь моя!..» (11, 34).

Этот же восторг перед праведной жизнью простого человека испытывает протопоп и во время проповеди: «Я <...> почувствовал мои ресницы омоченными и увидел, что и многие из слушателей стали отирать глаза свои... <...> Я ощутил как бы некую священную острую боль и задыхание...» (11, 34—35).

Желание напрямую обращаться к пастве с открытой живой проповедью приближает Туберозова к протестантизму. Отчужденность героя от ортодоксального православия подтверждается и прямой отсылкой Лескова к образу протопопа Аввакума, жизнеописание которого писатель включает в размышления героя в одном из вариантов «Соборян»: «Божедомы. Повесть

лет временных» (7, 475—479). Косвенно о судьбе Туберозова как еретика говорит и имя, выбранное автором для главного героя: как пишет А. Ранчин, «это имя носил известный еретик Савеллий, основатель ереси — савеллианства (III век)»¹.

Наиболее же явно на «протестантизм» протопопа указывает одна из финальных сцен романа, когда Савелий Туберозов призывает развращенного петербургскими «передовыми» идеями Ахиллу помолиться рядом с домом, вне храма, — «в торжественной тишине полуночи, на белом, освещенном луною пустом огороде» (11, 252), при этом важно, что «проповедник и кающийся молились вместе» (11, 252). Теперь претерпевший много бедствий протопоп заставляет молодого дьякона-казака испытать экстаз искреннего обращения к Богу: «И полились широкие вздохи с сладостным воплем молитвы: „Боже! очисти мя грешного и помилуй мя“» (11, 252). После этой ночной службы Ахилла признается, сколь силен был охвативший его восторг очищения и просветления: «Когда я молился... Казалось мне, что земля была трепетна» (11, 253).

Эта сцена очень близка тому, как показывает религиозное обращение в своих произведениях Джордж Элиот, причем характерно, что большинство ее истинных проповедников — протестанты, приверженцы таких религиозных течений, как евангелизм или методизм. Так, в романе «Адам Бид» (1859) молодая методистка Дина Моррис произносит проповедь перед сельскими жителями на лугу, стоя на телеге, а в конце молится вместе со своей сестрой, детоубийцей Хетти, в тюремной камере. В этой сцене также акцентируется постепенное единение проповедницы и грешницы в совместном обращении к Богу:

«Хетти, повинувась движению Дины, опустилась вместе с ней на колени. Они по-прежнему держались за руки. <...> Хетти все еще молчала. Наконец она произнесла умоляющим голосом:

— Дина... Помогите мне... Я не могу ничего почувствовать, как ты...
Мое сердце холодно...

---

¹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1993. Т. 4. С. 600 (Примеч. А. Ранчина).

Дина сжала схватившую ее руку и заговорила. Вся ее душа излилась в молитве»¹.

Здесь, в отличие от Лескова, Элиот приводит все слова страстного обращения Дины к Богу, занимающие четыре больших абзаца. Молитва завершается победой проповедницы: «Дина, — зарыдала Хетти, обняв ее за шею. — Я буду говорить... Я расскажу... Я не буду больше ничего скрывать»². В тот момент, когда страдание Дины заставляет Хетти признаться в своем страшном грехе, Элиот также акцентирует радость проповедницы: «Дина чувствовала глубокую радость при первом признаке, что ее любовь принята несчастной погибающей душой»³. Религиозный экстаз молодой методистки связан с ее искренним убеждением в том, что она является проводником Божьего милосердия: «Она все сильнее ощущала присутствие Бога — более того, она как бы сама была его частью: Божье милосердие билось в ее сердце и давало решимость спасти беспомощную душу»⁴.

Сцена такой же совместной молитвы грешника и проповедника вне церковных стен есть и в повести Элиот «Исповедь Джэнет» (1857): евангелический пастор Эдгар Триан принимает покаяние молодой женщины Джэнет Демпстер и возвращает ей утерянную веру: «Молитесь со мною, — сказала Джэнет. — Молитесь, чтобы Он послал мне достаточно света и сил»⁵.

Здесь Элиот вновь акцентирует возможность появления истинного религиозного чувства только сообща, причем проявляется это даже в ситуации исповеди: Джэнет признается в пристрастии к спиртному и неверии, а Триан в ответ рассказывает о своей вине перед погубленной им в молодости девушкой. Точно так же описывается и молитва героев. Сила религиозного чувства проповедника и героини во время их финальной со-

---

¹ Adam Bede by George Eliot. URL: <http://www.gutenberg.org/files/507/507-h/507-h.htm> (дата обращения: 25.04.2015). Здесь и далее пер. с англ. мой. — *И. Г.*

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Исповедь Джэнет: Роман Джорджа Элиота // Современник. 1860. Т. 81. Приложение. С. 117.

вместной молитвы метафорически описывается как пламенный поток: «Его молитва уносила ее душу с собою, подобно тому как громадные массы пламени уносят вверх в быстром полете маленький огонек, который не мог бы держаться сам собою»¹.

Характерно, что экстаз истинного священнослужения здесь, как и у Лескова, передается через метафору горения: «угль горящий» — «громадные массы пламени». Более того, сила воздействия Триана на прихожан во многих эпизодах повести передается через акцентирование его горящих глаз: «По мере того как лицо его становилось худее и бледнее, огонь его глаз делался ярче и неотразимее»².

Новаторство Лескова и Джордж Элиот в мировой литературе проявилось в том, что они первыми попытались пристально взглянуть во внутренний мир рядового священнослужителя, показать его характер, выявить психологические причины его поступков. Поэтому религиозный экстаз, овладевающий героями в моменты проповеди или молитвы, оба писателя связывают не только с добросовестным выполнением ими обязанностей духовного лица. Скорее наоборот: во всех произведениях Лескова и Элиот этот очищающий и просветляющий восторг возникает вопреки общепринятым в клерикальной среде правилам. В «Исповеди Джэнет» старый пастор англиканской церкви, из-за которого местные жители разворачивают войну с Трианом, читал проповеди так, что слушатели «едва ли понимали одну фразу из того, что он говорит»³. Протопопу Туберозову церковные власти приказывают читать заученные проповеди, присылая их «предварительно цензору Троядию» (11, 40).

В результате оба героя вступают в неравную борьбу со своими недоброжелателями, ценой жизни пытаются побороть неверие общества и косность церковных чиновников, а в конечном счете — всеобщее «бесстрастное равнодушие к добру и злу» (11, 207), к высшим идеалам. Протопоп Туберозов страстно жаждет «побить» (11, 166) врагов веры. В финале романа он

¹ Там же. С. 150—151.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 12.

решается принять свой последний и главный бой и пишет программу проповеди, осознанно готовясь к ней как к вехе, которая положит конец его жизни и начало «житию». Проповедь, хотя и приведенная в романе-хронике в виде черновых набросков, выдает высшую степень духовного напряжения героя, который выполняет в этот миг свою жизненную миссию: «Да соблюдется до века Русь... <...> Не положи ее, Творче и Содетелю! в посмеяние народам чужим, ради лукавства слуг ее злосовестливых и недоброслужащих (11, 208—209).

Стоит отметить, что прямое включение Лесковым текста проповеди в роман находит параллели и в рассматриваемой английской традиции. Кульминационная проповедь, которую Эдгар Триан произносит практически под страхом смерти или увечья, присутствует и в романе Элиот, однако ее текста автор не дает. Акцент здесь делается только на подвиге евангелического проповедника, который «шествовал, бледный и неподвижный», к церкви, «посреди <...> града прозвищ и непристойных каламбуров, с аккомпанементом <...> криков, воплей, возгласов и свиста»¹. В то же время Элиот приводит в тексте другую, более интимную проповедь Триана, обращенную к кающейся Джэнет.

Таким образом, «священное беспокойство» в душах главных героев Лескова и Элиот вызывает их внутренняя духовная сила, их готовность бороться с теми, кто препятствует слиянию душ проповедника и верующих в едином священном порыве и тем самым губит, словами Туберозова, «Божие живое дело» (11, 255). Экстаз священнослужения становится для обоих писателей и одним из способов психологической характеристики героев, и приметой истинного служителя Церкви.

---

¹ Исповедь Джэнет... С. 70.